

СОДЕРЖАНИЕ

ЗДЕСЬ ОБИТАЮТ ДРАКОНЫ.....	5
ТУДА, НО НЕ ОБРАТНО	303
ПРИШЕЛ, УВИДЕЛ, ПОСЕЛИЛСЯ.....	563

ЗДЕСЬ ОБИТАЮТ ДРАКОНЫ

Пролог

Зал был полон. Если точнее, то яблоку негде упасть. Никогда не думал, что в университетском кампусе живёт столько народу... хотя, если присмотреться, чуть ли не каждый второй на студента уже не тянет: тут и взрослые дядьки с юными девицами-«прилипалами», и подозрительной наружности приклатнённые парнишки — эти держались компактными кучками, и импозантные джентльмены при костюмах и секретарях — «охотники за головами» из большого биз... э-э-э... спорта? Раньше такого не было, или я просто внимания не обращал. Интересно, к чему бы это? Ну да, финал боксёрского турнира. Но ведь отнюдь не олимпийского. И даже не планетарного уровня. Обычный междусобойчик рядовой студенческой лиги, пусть и принадлежащей «RAF Corp». Масштаб явления не тот, чтобы собирать огромную спортивную арену. Впрочем, это уже я сам загнул — зал у нас совершенно обычный, студенческий же. В лучшем случае на пару тысяч сидячих мест, что, с учётом общей численности обучающихся, даже с запасом. Другое дело, что вплоть до полуфинальных схваток он заполнялся едва ли на треть. А тут толпа народу подвалила. Не думаю, что на меня посмотреть — эка невидаль, крепкий середнячок-любитель! Да и соперник, если честно, ничем особым не знаменит — возможно, просто не успел показать себя, что и немудрено: всего лишь первый курс юрфака. Не чета мне, аспиранту-выпускнику, которому рукой подать до защиты диссертации. И который, если бы поменьше времени уделял бесполезному мордобою, уже был доктором наук. Нет у меня целеустремлённости, к большому сожалению и моего научного руководителя, и тренера. Причём ещё неизвестно, кто жалеет больше. А, пофиг! Мне и то, и то нравится! И почему я должен выбирать? А уж если есть возможность срубить по-быстрому денегжат... кто я такой, чтобы отмахиваться от этой прекрасной возможности? Да, не очень законно. Даже совсем незаконно — и по меркам РКА, сиречь Русско-Китайского Альянса, которому принадлежала колония Беатрис, и по законодательству этой самой отдельно взятой колонии, облюбованной «RAF Corp» в качестве домашнего мира. Всё же не профессиональный

рованных ударов в воздух — тоже классика. Главное, не увлечься и на рефери не налететь. Но старик Джеффри у нас опытный, придержит излишне ретивого бойца, а в случае необходимости ещё и уgomонит одной меткой фразой.

— В синем углу ринга его соперник, Ро-о-о-о-одриго Л-л-л-л-лопес, студент первого курса юридического факультета! Боксёру девятнадцать лет, рост сто шестьдесят семь сантиметров, вес девяносто килограммов! Официальный рекорд 2-0-0! Две победы, ни одной ничьей и ни одного поражения! Поприветствуем Родриго, дамы и господа!

Хм... а вот так, вживую, он кажется ещё массивнее. Так вот ты какой, Родриго Лопес! Что-то есть в тебе... что-то звериное. Типичный латинос, кстати, коренастый и кривоногий. Чуть расплывшийся, с заметным пузом, но при этом не рыхлый, да и в ловкости не откажешь, несмотря на массу и телосложение. Чую, трудно с ним придётся — явный панчер. С одной стороны, мой любимый тип противника, таких одно удовольствие ловить на контратаках. С другой... предчувствие у меня нехорошее. Пусть мы и не супертяжи, но и просто тяжёлый вес это вам не шутки. Даже в любительской лиге. Один пропущенный концентрированный удар, и приплыли... шлем не спасёт, а перчатки ситуацию только усугубят. Ладно, работаем.

— Представляю вам судейскую бригаду, дамы и господа! — тем временем продолжал надрываться ринг-аннаунсер. — Боковые судьи — Алексей Гришин и Герхард Штаубе! Рефери в ринге — Дже-э-э-эффри Раш! Скажи что-нибудь парням, старина! — протянул он микрофон судье.

— Я хочу чистый бой! — рыкнул старина Джеффри. — Если говорю «стоп» — расходимся и ждём дальнейших указаний! Слушаем меня внимательно! Защищайте себя всё время, пока вы в ринге, парни! Бойцы, всё ясно? Бойцы, готовы? Олег?

— Готов, — кивнул я.

Из-за капы и шлема получилось невнятно, но меня прекрасно поняли. В наше пронизанное духом интернационализма время с коммуникационной функцией вообще проблем нет, все владеют интером. В той или иной степени, конечно же. А язык жестов, коим и является бокс, ещё более универсален.

— Родриго, готов?

— Си, сеньор!

Упс... погорячился я с интером, кажется.

— Разошлись!

Три шага назад, перчатки уже у подбородка... готов. Обстановка настолько привычна, что даже пульс почти не участился, а про адреналин вообще молчу.

— Бой!..

Ну, понеслась!..

С ударом гонга рефери отшагнул в сторону, очистив путь, и мы с Родриго одновременно пришли в движение — он рванул ко мне, явно намереваясь задавить массой, а я завёл неизменную «карусель», смеющаяся по кругу под неудобную, в данном случае левую, руку. Рисунок боя стал для меня очевиден едва ли ни с первой секунды — работа на ногах, нырки с уклонами и молниеносные контратаки. Если эпитет «молниеносные» в принципе применим к габаритным парням вроде нас. Как говорит мой тренер, манёвр, манёвр и ещё раз манёвр. Это основное оружие контрпанчера. Главное, не дать зажать себя в угол, а всё остальное переживём.

Джеб... джеб... попытка кросса... отшатнулся — только ветерком обдало. А вот сам дотянулся, левой, строго по классике. Но, такое ощущение, моего тычка Родриго не почувствовал. Наоборот, взбодрился и чуть не насадил меня на чудовищный по силе апперкот. Я это даже с расстояния ощутил, чудом разминувшись с кулачищем Лопеса. И ткнул в него джебом, впрочем, снова безрезультатно.

Нырок от хука, отскок, уклон, уклон... есть контакт! Апперкотом справа почти в солнечное сплетение! С дыхания точно должен был сбить... или нет? Как в скалу ударил, блин! И это при наличии изрядного пуза! А если вот так попробовать, по печени? Закрылся? А слева крюком? Уф, м-мать! Сам пропустил... хорошо, не по ливеру. Но рёбра затрещали, плюс пришлось некоторое время проявлять чудеса ловкости, чтобы только увернуться от последующих плюх... не, на фиг! Разрываем дистанцию, уходим в неудобную сторону, и снова огрызаемся джебами. Этого зверюгу так просто не уложить. Придётся выматывать, а это уже лотерея.

Шаг, отскок, нырок... джеб, уклон, разрыв дистанции... а вот это сейчас было очень близко, ну очень! Почти дотянулся до меня. Ладно, лопи награду!..

Очередной джеб на моего оппонента впечатления не произвёл, равно как и следовавший за ним кросс через руку. А вот на апперкот я очень надеялся. Просто очень. Но... зря?! Да кто это вообще такой, мать его?! У него челюсть гранитная, что ли?! Даже зубами не клацнул! Зато в ответ отмахнулся так, что меня чуть с ног не сбил, хоть и зацепил предплечьем за самую макушку. Я таки умудрился поднырнуть под хук правой, и даже выбросил ответку, абсолютно уверенный, что дотягиваюсь левым боковым до открывшейся челюсти... а потом свет вдруг потух.

...в себя я пришёл по той причине, что кто-то немилосердно хлестал меня по щекам. Ну, по крайней мере, мне именно так показалось. На

самом же деле старина Джеффри всего лишь легонько похлопывал ладонью по шлему, дав мне предварительно нюхнуть нашатыря. Тоже, между прочим, традиция. Правда, этот факт дошёл до меня далеко не сразу — перед глазами всё плыло, в ушах звенело, а неистовый рёв трибун ощущался как едва слышимый фоновый шум. В голове свербела ровно одна мысль: почему рефери не ведёт отсчёт? Неужели всё настолько плохо? Но как?! Почему?! Я же... попал! Хороший, качественный удар, каким я гарантированно валил любого спарринг-партнера. Да и в боях на ринге от моего левого бокового полегло больше половины оппонентов. А тут вдруг... но я ведь попал! Как так-то?! Получается, он выдержал? А потом ещё и мне врезал, да так, что наглухо вырубил? Твою же... вот это попадос так попадос... срубил деньжат по-лёгкому, ага. А ещё мафия студенческая, чтоб её! Пацаны ведь нехилые бабки потеряли... как, впрочем, и я. Да и не заставлял их никто на меня ставить... но для них это не отмазка.

— Парень, ты в порядке?

«Практически», — попытался выговорить я, но получилось только невнятное сипение.

— Врача сюда! — быстро сориентировался рефери. — Носилки! Быстро! Быстро!

Вот спасибо, старина! Можно считать, что какое-то время я буду в безопасности. И, возможно, его хватит, чтобы придумать хоть какой-нибудь план. Ну а если нет... всегда остаётся вербовка. Хотя это именно то, чего я всеми силами старался избежать все эти годы. И в магистратуру пошёл, чтобы не влезать в кабалу к корпорации прямо здесь и сейчас, и в аспирантуру поступил по той же причине... и всё равно не уберёгся. Обидно...

Глава 1

Территория под протекторатом РКА, Гамма-6, колония Роксана, 14.02.135 г. Экспансии

...так вот ты какая, Роксана! Ещё буквально несколько секунд назад из иллюминатора открывался на редкость «увлекательный» вид — обшарпанный борт «Альберта Эйнштейна», корпоративного лайнера, доставившего меня в этот забытый богом уголок вселенной. Плюс кусок его же «холодильника» — радиатора, отводящего тепло в космическое пространство. Но стоило только нашему каботажнику отшвартоваться и чуток повернуть, пыхнув маневровыми дюзами, как изрытая газовой эрозией обшивка сменилась чем-то кипенно-белым, со стеклянистым отблеском, и абсолютно непроницаемым для человеческого глаза. Признаться, такого мне ещё видеть не приходилось,

хоть я и лицезрел воочию довольно много кислородных планет. Земля, Беатрис, мир Лейбовица... перечислять замучаешься, да и ни к чему оно. Главное различие сразу же бросалось в глаза: на всех ранее посещённых планетах с настолько низкой орбиты прекрасно просматривались очертания континентов, да и океаны поражали глубокой синевой. А тут молочная шапка, такое впечатление, что планета закована в ледяной панцирь. И если бы я не знал наверняка, что первое впечатление обманчиво, то пребывал бы в уверенности, что так оно и есть. И что жить мне ближайшую пятилетку в ледяном аду. Меня аж передёрнуло от такой «заманчивой» перспективы. Бр-р-р-р-р! Если и есть что-то более ненавистное, чем лёд, снег и морозы, то я этого ещё не встретил. И хотелось бы, чтобы такое положение дел сохранялось как можно дольше. По спине пробежал холодок, и я плотнее закутался в выдавшую виды, но зато родную и уютную кожанку. И даже на миг пожалел, что не разжился пусть и безликим, но удобным и сверхутилитарным комбезом. Не пожелал повестись на халяву, балбес! Не могли же корпы бесплатно — бесплатно! — раздавать что-то хорошее! Зато теперь весь в гусиной коже, поскольку пижонские джинсы, замшевые ботинки и рубаха-поло, все сплошь из натуральных материалов, встроенной системой терморегуляции похвастать не могли. Или это нервное? В салоне должно быть минимум двадцать пять плюс по Цельсию... бррр!..

Чего так вырядился? А это единственное, что у меня нашлось в гардеробе, когда я в экстренном порядке уносил ноги с Беатрис. Я имею в виду, подходящего для походных условий. Всё остальное — исключительно костюмы для присутственных мест и универа в частности, которые я без колебаний оставил в моём персональном домике студенческого кампуса, ибо теперь без надобности. У меня, если разобраться, из вещей только небольшой чемоданчик, с которым я во времена оны мотался в научные командировки. А в нём несколько смен белья, шмот для «домашней» носки да мыльно-рыльные. Не успел закупиться перед отъездом, да и не на что было, если совсем уж честно. Даже билет в счёт будущей зарплаты. Дожил, блин! Хоть волком вой, м-мать! И эта хрень ещё непонятная в иллюминаторе...

— Первый раз на Роксане, молодой человек?

Чтоб тебя! Всё-таки выискал повод для знакомства... чёртов старый педрила! Хорошо хоть в рейсе не пересекались, поскольку я почти безвылазно торчал в каюте, убивая время чтением. Ну а чего? В кои-то веки выдалась возможность насладиться самым что ни на есть низкопробным — художественным — чтивом! Вот я и отрывался, благо на объёмистом «винте», оформленном под винтажную электронную «читалку» с настоящим, физическим, дисплеем (единственная моя действительно *ценная* вещь!) хранилось много чего интересного. Накопилось, знаете ли, за десять-то лет. Впрочем, отвлёкся.

Господинчик этот положил на меня глаз ещё в пассажирском терминале «Эйнштейна», но там я сразу же постарался затеряться в пёстрой толпе гомонящих гастарбайтеров-латиносов. Да-да, тех самых, которым корпы в начале рейса раздавали комбезы. Не знаю как, но большинство к концу путешествия умудрились серую одежду кастомизировать, задействовав различные аксессуары — подозреваю, из своих же обносков — и теперь организованную силу толпа ничуть не напоминала. Беда только, что на фоне весёлых латиносов я всё равно выделялся, как прыщ на лбу. Да и, к слову сказать, условных «европейцев» на нашем рейсе было раз-два и обчёлся. Так что я даже не удивился, когда седоватый импозантный (при костюме-тройке и саквояже) мужик возрастом под полтинник устроился в соседнем кресле. И стоило в самый дальний угол салона бизнес-класса забиваться? Впрочем, стоило, хотя бы из-за иллюминатора, оказавшегося в полном моём распоряжении. А ещё здесь не было шумных попутчиков — их всех (на минуточку, пятьсот человек!) утрамбовали в экономе. Хотя насчёт «шумных» я, похоже, погорячился. Интересно, если просто проигнорировать, отстанет? Или придётся посылать прямым текстом? Ладно, проверим.

— Не боитесь показаться невежливым, молодой человек? — и не подумал унять седой хмырь.

— А вы? — глянул я на него с нехорошим прищуром, нехотя оторвавшись от иллюминатора.

— Уели! — хохотнул незванный попутчик и представился, не дожидаясь приглашения: — Джон Сесил Пимброк, к вашим услугам.

Слова на интере он выговаривал чётко и чисто, но с едва уловимым специфическим акцентом, выдававшим породистого британца с Земли.

— Генри, — буркнул я. Пусть не думает, что ему тут рады. — Генри Форрестер.

Ну а чего? В рабст... э-э-э, на работу я попал в международную корпорацию, ту самую «RAF», что ведёт этимологию от фамилий трёх почтенных семейств — германского, англо-американского да японского, так что вполне естественно закосить под своего. Тем более что инглишем, от которого и произошёл интер, я владею вполне сносно, хоть и изъясняюсь с заметным «шотландским» акцентом. Как это получилось, сам не пойму. Так что корпоративные кадровики не стали мудрствовать лукаво и просто перевели мои исконно-посконные ФИО на английский. Олег — Хельги — Хенри — Генри, по-моему, вполне очевидная логическая цепочка. Ну а Лесничий... короче, вы поняли.

— Рад знакомству, — коротко поклонился жизнерадостный Джон Сесил. — Нечасто у нас на Роксане увидишь новое лицо. Приятное, я имею в виду.

— Э?..

— Во всех отношениях, Генри, во всех отношениях.

— Извините, я не по этой части. Я это... с девушками.

— Да я не о том! — отмахнулся мистер Пимброк и дёрнул головой в сторону переборки, отделявшей бизнес-класс от эконома: — Признаться, вам и самому было немного не по себе в компании... этих?

— Вы про остальной персонал?

— Полноте, Генри! Персонал — это мы с вами... я ведь правильно догадался, вы инженер?

— Можно и так сказать.

— Вот! Инженерно-технический работник! И наверняка образование имеется? Да? Даже высшее?.. Отрадно слышать. А я управленец со стажем, ну и ещё немножко, в свободное от основных обязанностей время, медик. Мы с вами элита корпорации, Генри. Её главная опора, так сказать, становой хребет. Что же касается этих, — новый кивок в сторону эконома, — то это быдло. Расходный материал, обречённый на ассимиляцию с местным сбродом. «Мясо», как говорят в корпорации.

— Что-то вас не туда понесло, мистер Пимброк.

— Полноте, Генри! Вот поживёте с моёй на Роксане и непременно придёте к аналогичным выводам... ах да, вы же новичок! Как же я вам завижую!

— А есть повод?

— Ну как же? А перспективы? А карьерный рост? А новые впечатления? А сама Роксана, наконец? Вы, к примеру, знаете, что в переводе с древнеперсидского «Роксана» означает «рассвет»? Тот, кто дал планете имя, был на редкость прозорливым человеком! Рассветы здесь — это нечто! Да и сама колония... скажем так, никого не оставляет равнодушным. В неё либо влюбляются с первого взгляда, либо столь же быстро начинают ненавидеть. И поверьте моему опыту, Генри, лучше её полюбить. И она в ответ подарит вам просто безграничные возможности! Только посмотрите на это! Великолепное зрелище, не правда ли?

Не правда. Я бы сказал, уныло и мрачно. И этот ещё, м-мать! Не заткнёшь ничем. Хотя пусть его, из уст Джона Сесиля Пимброка все эти подробности звучали... пожалуй, вкусно. Если так вообще можно выразиться. Впрочем, плевать, я кризисный инженер, а не филолог. Плюс ко всему не сдержанный на язык попутчик оказался на порядок информативнее куцых статей в сети, в большинстве своем дублировавших данные из звёздного каталога академии наук РКА. Есть у меня подозрение, что львиная доля успешно разболтанной информации проходит под грифом «для служебного пользования».

— Знаете, чем уникальна Роксана, Генри? Понятия не имеете? Что, даже наукопоччитать не удосужились? Хотя толку от него... всё просто. Во-первых, это её атмосфера, во всех смыслах слова. И в первую очередь в физическом — вон те облака под нами. Она абсолютно не-

проницаема из космоса в оптическом диапазоне, зато с поверхности при должном усердии и наличии соответствующей аппаратуры можно рассмотреть и местное светило, Гамму-6, и звёзды. Как, почему — нет ответа. Корпоративные учёные уже второе десятилетие бьются над этой загадкой. Поэтому стандартная спутниковая сеть здесь совершенно бесполезна. Отслеживать объекты инфраструктуры и транспорт с орбиты визуально попросту невозможно. Радары, принцип действия которых основан на обработке отражённых сигналов, здесь тоже бессильны, а металл-детекторы не позволяют выделить наши машины на фоне выходов рудных жил на поверхность. Аналогичные трудности и с радиосвязью, причём во всех диапазонах...

— Э-э-э... а к чему такая дикость? — хмыкнул я, невольно заинтересовавшись проблемой. — Сколько уже лет мы для связи квантовую телепортацию используем? Сто пятьдесят? Больше?

— Где-то так, — признал Пимброк. — С тех самых пор, как квантовые компьютеры освоили и в большой космос вышли. Я, признаться, опасался, что вы даже этого термина не поймёте. Я про радиосвязь, конечно же.

— С чего бы вдруг? — возмутился я. И чуть не присвистнул от «внезапного» озарения: — Стоп! Значит, стандартная связь не работает, раз до радио опустились?

— Совершенно верно.

— А... почему?! Только не говорите, что тоже из-за особенностей магнетизма планеты!

— Не скажу, раз вы настаиваете, Генри, — не стал спорить Джон Сесил. — Но и другого объяснения до сих пор нет. Во всей остальной системе всё работает штатно, а начиная с верхних слоёв атмосферы Роксаны...

— То есть тут даже планетарной инфосети нет?!

— В привычном нам виде — увы! — развёл руками мой попутчик. — Но не расстраивайтесь, в Мэйнпорте есть оптоволоконная локалка с безлимитным доступом для специалистов, начиная со среднего звена, так что без сетевых развлечений не останетесь. Впрочем, о чём это я? Месяца не пройдёт, как вы о них и думать забудете! Уж поверьте мне на слово, Генри!

Чёрт, какой он всё же... экспрессивный, мягко выражаясь. И почему ко мне прицепился? Других благодарных ушей не нашлось, что ли? Вон же ещё люди сидят, на вид тоже «элита»... а, понятно! Эти, судя по скучающим физиономиям, уже не новички, и Пимброка прекрасно знают. Реально я единственный неокученный кандидат. Ладно, потерплю. Может, ещё чего полезного выболтает...

— Жизнь на Роксане очень специфична, друг мой! — продолжил между тем разглагольствовать Джон Сесил. — Концессия существует

уже семнадцать лет, а сама колония на пять лет старше. За это время корпорация совершила все ошибки, какие только можно, и многожды взвесила все «за» и «против». А потом сделала выводы и перевела их на сухой язык цифр. Экономические показатели наше всё, Генри. И главный из них — рентабельность. Так что какую дикость — с вашей точки зрения, разумеется — вы бы ни встретили там, внизу, сразу вспоминайте эти мои слова. И повторяйте, словно мантру: рентабельность, рентабельность, рентабельность. Нет бога, кроме Джеймса Олдриджа — это наш финдиректор, и Розенталь, главный экономист, пророк его. Рентабельность есть у всего, в том числе и у человеческих жизней. Знаете, почему в качестве «мяса» корпорация набирает почти исключительно выходцев со слабо развитых миров Латинской конфедерации?

Я помотал головой и изобразил на физиономии умеренный интерес, что, впрочем, вполне соответствовало действительности.

— Потому что они наиболее рентабельны в условиях Роксаны! — с видимым удовольствием припёр меня к стенке неопровержимым доводом собеседник. — Они трудолюбивы и при этом относительно дёшево стоят. И им здесь некуда податься — ни русские, ни китайцы за них не вступятся, потому что они для них такие же чужаки, как и корпорация. Поэтому даже те, кто не выдерживают проверки коллективом и подаются в бега, не уходят дальше поселений «местных», которые в большинстве своём такое же бывшее «мясо». А поскольку для людей из РКА они чужаки... впрочем, я это уже говорил... в итоге «местным» не остаётся ничего иного, кроме как сотрудничать с корпорацией. Они по-прежнему обслуга, но на других — гораздо менее для них выгодных — условиях. Вы, Генри, конечно, можете спросить: а почему не афро или азиаты? А я вам отвечу: азиаты отпадают из-за китайцев и семьи Фуджикава, а афро из-за своей... э-э-э... скажем так — проблемности. С ними попросту никто не хочет связываться. Пусть они и дешевле тех же латиносов при первичном найме, зато потом они обходятся гораздо дороже в силу крайне низкой квалификации, отсутствия мотивации к созидательному труду и склонности к бессмысленному насилию. Что в условиях перманентной магнитной бури, в которых мы существуем, весьма чревато. Что вы на меня так смотрите, Генри? Попахивает расизмом?

Я кивнул, не сдержав кривой ухмылки.

— Полноте! — всплеснул руками мистер Пимброк. — Мы на фронтире, а здесь люди привыкли называть вещи своими именами. Кстати, это одна из причин, почему я здесь — тут все... более искреннее, что ли? Не стесняются открыто высказывать эмоции и столь же открыто транслировать их в мир. В том числе и физическими методами, если вы понимаете, о чём я.

- Похоже, местечко как раз для меня.
- Сарказм? — изумился Джон Сесил. — А вы не перестаёте меня удивлять, Генри! Если не секрет, а вы... откуда?
- С Беатрис, откуда же ещё? — пожал я плечами.
- Нет, я имею в виду происхождение.
- С Земли.
- А... впрочем, ладно, — умерил любопытство мой сосед. И перешёл к более насущному вопросу: — А в каком подразделении работаете?
- Ну, строго говоря, я пока ещё...
- Уже, — отмахнулся собеседник. — Раз вы здесь, значит, вы рентабельны. Вас рассмотрели под микроскопом, тщательнейшим образом взвесили и определили оптимальную должность, на которой вы максимально быстро окупите все вложения, которых в вас вбухано уже немало. Если, конечно, приживётесь.
- Строгая дисциплина, унижения и всяческие лишения? — фыркнул я. — Мне здесь уже не нравится.
- Как в любой корпорации, — невозмутимо парировал мистер Пимброк. — Я, кстати, уже третий срок на Роксане. Сколько это в общей сложности? Да, уже двенадцатый год. С перерывами, конечно. И, представьте себе, ни о чём не жалею. Так кем вы у нас будете?
- Насколько я понял, младшим помощником старшего слесаря в техническом секторе. Специалистом широкого профиля — принеси-подай, пошёл на хрен, не мешай.
- Весьма образно! — хохотнул Пимброк. — А вы весельчак, Генри!
- Только юмор у меня зачастую висельный.
- Видимо, на то есть объективные причины?
- Угу.
- Мой вам добрый совет: забудьте о них, Генри. Здесь, на Роксане, у вас начинается новая жизнь. Призраки прошлого до вас не доберутся. Это не по силам никому. Если только вы не насолили кому-то из руководства «грубиянов».
- Извините?
- «Грубияны» — это мы, люди корпорации, — пояснил мой попутчик. — Первыми до этого додумались наши безопасники из числа конвойщиков. Не понимаете? Ничего страшного, скоро поймёте... в общем, они сообразили, что «RAF» абсолютно созвучно староанглийскому «rough», то есть «грубый». И стали называть себя рафгаями, по аналогии с хоккейными тафгаями. Ну а от них и на остальных перекинулось.
- Странно. Я раньше такого даже не слышал.
- Это местный, если позволите так выразиться, мем. Локальный. Имеет распространение в пределах Мэйнпорта и окрестностей.

— Что-то у меня голова пухнет от обилия новой информации, мистер Пимброк, — пожаловался я. И от души зевнул. — Извините.

— Ничего страшного, это атмосфера Роксаны на вас так действует. Чем ниже, тем больше сонливость. Мы пока ещё в верхних слоях, так что готовьтесь. И крайне рекомендую не поддаваться первому порыву — предстоящее зрелище стоит того, чтобы себя перебороть.

— Дума-а-а-ете? Пардон ещё раз...

— Уверен. Не проспите шикарную возможность.

— Попытаюсь...

— Главное, дождитесь «огней святого Эльма», а дальше будет проще. Всё, умолкаю, этим видом стоит наслаждаться в тишине...

Ну, что тут сказать? Не соврал старый педрила — зрелище действительно получилось шикарное. А побочные эффекты и вовсе превратили его в незабываемое. Какие именно? Словами описать трудно, но я всё же попытаюсь. Когда-то давно, ещё в детстве, я попал в сильную грозу, и неподалеку от меня в засохшее дерево ударила молния. Те давние ощущения, смесь дикого страха с восторгом и запахом наэлектризованного, насыщенного озоном воздуха почти выветрились из памяти, но в какой-то момент, возможно — но не точно — при появлении на атмосферных плоскостях челнока обещанных «огней святого Эльма», всколыхнулись с новой силой. По мышцам пробежали короткие спазмы, волосы вздыбились... бы, будь они хоть немного длинней, а желудок сжался в предчувствии чего-то... чего-то, в общем. И даже что-то вроде зрительных галлюцинаций, превративших обитателей салона в синемордых искрящихся зомби, имело место. Правда, зрение очень быстро вернулось в норму, и всё оставшееся время я неотрывно пялился в иллюминатор, замороженный пляской коронных разрядов на корпусе шаттла. А потом, довольно нескоро, летательный аппарат пробил шапку облаков, и наваждение окончательно схлынуло под натиском лёгкого разочарования — открывшийся внизу вид воображения не поражал. Саванна как саванна, бескрайняя, зелёно-жёлтая, колышущаяся под порывами ветра... плюс скопление разнокалиберных построек у горизонта. Пилот предпочёл пологую траекторию, так что «налюбовался» я досыта, особенно бетонной «взлёткой», даже с высоты выглядевшей неряшливо-щербатой, и клубами пыли чуть в стороне. Которые, как выяснилось по приземлении, оставляла колонна странных транспортных средств — этаких коробок на здоровенных колёсах с ажурными дисками, что само по себе в наш век высоких технологий и повсеместного распространения антигравитационного привода смотрелось дико. А эти ещё и бронированные, судя по виду. И не удивлюсь, если вооружённые... одна, две, три... одиннадцать в общей сложности. Пассажирские, что ли? А не проще было поближе к терминалу при... э-э-э... роксаться? Кста-а-ати, насчёт терминала!

Чистое поле вокруг, ни единой постройки или какого другого объекта инфраструктуры, кроме самой взлётной полосы. Ну и несколько транспортных поменьше, более скоростных и юрких, которые уже рассредоточились по периметру «взлётки». Охрана? А от кого? Это куда же я попал, мать вашу?!

— Генри, очнитесь! — потряс меня за плечо мистер Пимброк. — Нам высаживаться первыми.

— Очередная привилегия? — уточнил я, оторвавшись от иллюминатора.

— Совершенно верно, молодой человек, совершенно верно! Мы избавлены от крайне сомнительного удовольствия дышать пылью! Не забудьте багаж, вернуться за ним будет проблематично! И вообще, рекомендую держаться ко мне поближе. И не морщитесь так, я без всякой задней мысли.

— Извините, мистер Пимброк.

— Так уж и быть, извиняю. Пойдёмте, Генри. Всё моя врождённая доброта...

Он ещё что-то бормотал себе под нос, но я не вслушивался. Зато воспользовался добрым советом — пристроился к Джону Сесилу в хвост и благополучно выбрался из салона бизнес-класса одним из первых. И одним из первых же погрузился в пассажирский транспорт, поджидавший аккуратно у опущенной аппарели пассажирского шлюза. Правда, для этого пришлось пересечь метров десять открытого пространства, но никого из присутствующих это не смутило. Не стал выпендриваться и я, успев по пути ощутить на лице прохладное дуновение ветерка. Не знаю, как в других местах, а в окрестностях, э-э-э, «космодрома» погода весьма порадовала — и не удушающая жара, и не холодрыга. Самое то под мой наряд, даже кожанка очень ко двору. А ещё по волосам как пластиковым гребнем прошлись, изрядно их наэлектризовав. Мне даже показалось, что по штанинам пробежались слабые коронные разряды. А когда в дверном проёме я неудачно зацепился плечом за уплотнитель и меня дёрнуло статикой, понял, что ни фи́га не показалось — электричество здесь повсюду.

Оказавшись в длинном проходе между рядами кресел — по два с каждой стороны, — рыпнулся было по привычке в конец салона, но усилием воли преодолел порыв и приземлился в первом попавшемся. Разве что к окну протиснулся, которое оказалось просто поляризованным, а не прикрытым бронированной шторкой, как я решил было изначально. И даже умудрился сдержать разочарованный выдох, когда мистер Пимброк перебрался ко мне поближе — слава богу, хоть устроился через проход, благо свободных мест имелось с запасом. И да, в concreto этот автобус (вспомнил, наконец!) пустили только «элиту».